

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.412

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-76-92

ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ АБСОЛЮТА В ТРАДИЦИИ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА

Бондаренко В. В.

Дальневосточный федеральный университет

690922, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10, д., Российская Федерация

Аннотация. В данной работе представлен анализ антропологической модели православного академического теизма в контексте содержания идеи абсолюта. Показано, что учение о человеке как личностном единстве уникальной духовно-телесной реальности в традиции казанской метафизической психологии имеет своим основанием святоотеческую антропологию. Прослежена преемственность основных положений, изложенных в программных работах основателя казанской философско-антропологической школы профессора В. А. Снегирева и П. И. Линицкого, чья рационалистическая интерпретация идеи абсолютного стала существенным вкладом в теистическое направление Киевской духовной академии. Тем самым раскрыты обусловленность метафизической модели человека представлениями об абсолюте как основная идея религиозной философии, а также внутренний характер тео-антропологических отношений. Целью работы стало обоснование преемственности святоотеческой религиозной антропологии и метафизической психологии, развивавшейся в русле духовно-академического философского знания, согласно опиравшихся на представления о духовной природе и неисчерпаемости личностного бытия в абсолютном и тварном измерениях. В исследовании использованы сравнительно-исторический метод и историко-философской реконструкции, а также метод логического анализа. Автором работы сделано заключение, что в научном исследовании выбор антропологической модели сопряжён с выбором метафизической системы, поскольку образ человека и абсолюта с необходимостью совпадают.

Ключевые слова: личность, человек, абсолют, метафизика, теизм, душа.

HUMAN PERSONALITY AS A METAPHYSICAL PROJECTION OF THE ABSOLUTE IN THE TRADITION OF SPIRITUAL ACADEMIC THEISM

V. Bondarenko

Far Eastern Federal University

10, Campus FEFU, Ajax, Russky island, Vladivostok, 690922, Primorsky Krai, Russian Federation

Abstract. The paper analyses an anthropological model of the Orthodox academic theism from the perspective of the content of the idea of the absolute. The objective of the study is to justify the continuity in the development of patristic religious anthropology and metaphysical psychology which progressed in line with spiritual and academic philosophical knowledge based on the concept of spiritual nature and inexhaustibility of personal being in both absolute and human dimensions. By means of such research methods as comparative historical and logical analyses and historical and philosophical reconstruction it is shown that the doctrine of a person as a unity of the unique spiritual and physical realities in the tradition of Kazan metaphysical psychology is based on patristic anthropology. The author establishes a connection between the main provisions of the founder of the Kazan Philosophical and Anthropological School, Professor Veniamin Alekseyevich Snegirev, and the views of Peter Ivanovich Linitsky, whose rational interpretation of the idea of the absolute became a significant contribution to the theological studies of the Kiev Theological Academy. The paper reveals that the metaphysical model of man is conditioned by the notion of the absolute as the main idea of religious philosophy, and shows the inner character of theo-anthropological relations. It is concluded that in a scientific study, the choice of an anthropological model cannot be apart from the choice of a metaphysical system, since the images of man and the absolute coincide.

Keywords: personality, man, absolute, metaphysics, theism, soul.

Ситуация кризиса, связанная с постмодернизмом и глобализацией, свидетельствует о том, что вопрос о человеке вновь актуализируется и требует своего разрешения в контексте европейской науки и философии. Для современной эпохи, сопряжённой с «прагматизацией» и «прикладнитизацией» социального универсума (по Б. И. Пружинину), характерна нацеленность на обращение к технологическим проблемам [16; 25]. При этом подразумевается необходимость закрепить новые понятия и категории – «цифровое общество» или «челове-

ческий капитал», – и одновременно в официальной риторике перейти из плоскости нравственной преимущественно в юридически-процессуальную [24; 34; 35]. Однако уникальность текущего исторического момента состоит во многообразии сопутствующего экзистенциального опыта, богатстве теории и практики жизни, которые дают возможность исследователю, оглядываясь в прошлое, совершенно обоснованно во всех смыслах подводить итоги и находить пути к живым истокам человека и его культуре [9; 27].

Преемственность религиозно-философской проблематики в духовно-академических школах России XIX – начала XX вв.

В содержании философского раздела одного из номеров периодического издания Харьковской духовной семинарии «Вера и разум» за 1895 г. изложена оригинальная трактовка представления о философской традиции, развивающейся в силу личной преемственности от ученика к учителю, от сердца к сердцу, т. е. как школа. Допускаемая «участие Провидения» в коллективной и индивидуальной жизни духа, рассматривая философию как образ веры, автор раскрывает феноменологию историко-философского исследования, в общем смысле отстаивая исключительную автономию духовно-интеллектуального творчества как личностного акта, когда философ, «как бы долго и утомительно он не трудился, он трудился лишь для себя одного». Таким образом, автор приходит к заключению, что «философия сводится к изолированности; и ученики, когда учитель создает школу, тем менее бывают философами, чем более бывают послушны ему; они мыслят при посредстве другого; они не мыслят независимо» [11, с. 64].

Здесь же размещён «Обзор главнейших направлений русской психологии» (1895) воспитанника Киевской духовной академии М. О. Вержболовича (1861–1911) – магистра богословия, преподавателя кафедры философских наук Московской духовной семинарии. Обзор включает оригинальную позицию автора, представляющую, по сути, «редукционистскую» версию понятия философской школы, которая, с нашей точки зрения, не является

бесспорной. Отмечая очевидное своеобразие института наставничества в русских психологических школах, по сравнению с западными, Вержболович замечает, что основатель капитальной психологической системы, как правило, оставался её «почти единственным представителем», «довольствуясь лишь молчаливым признанием добытых им результатов со стороны немногочисленных своих последователей» [5, с. 133]. Накопленный багаж учебной психологической литературы исследователь рассматривает как плод научного синкретизма, примыкающий к идеально-реальному направлению [5, с. 134]. Таким образом, раскрывая полноту отечественной психологической традиции как совокупности некоторого многообразия направлений, очевидно имеющих преемственность с учениями о духе, развивающимися на Западе, исследователь характеризует её как оригинальное, целостное явление, в котором основополагающими выступают представления о субстанциональности духа и его познаваемости с точки зрения строгой эмпирии.

Возможно, в некотором смысле казанская школа метафизической психологии, основателем которой по праву считается философ и богослов В. А. Снегирев (1841–1889), представляет собой уникальное явление, когда учителем закладывается оригинальная традиция философского знания как «науки о человеке», обеспечивающая неразрывную преемственность и метафизическое единство нескольких поколений учёных-антропологов, глубина интеллектуального наследия которых далеко не исчерпана, а значимость со временем только возрастает.

Здесь работа Ф. Дмитровского по ключевой проблеме субстанциональности души, выполненная под руководством профессора Снегирева, даёт начало казанскому «тео-антропологическому» направлению, общепризнанной вершиной которого становится «Наука о человеке» (1905) православного философа В. И. Несмелова (1863–1937) – выдающегося ученика В. А. Снегирева [8; 18].

По нашим данным, в этом ряду более трёх десятков единиц хранения фонда № 10 Национального архива Республики Татарстан, представляющих религиозно-философские исследования, в том числе по онтологии, аксиологии, сотериологии, эсхатологии, касающиеся истории натурфилософско-психологической традиции западной культуры, выполненные с опорой на библейско-патристические представления о человеке и данные русской богословско-философской литературы [1; 2; 3; 4; 13; 14; 17; 26; 28; 29]. Частично содержание этих работ отражено в исследовании В. А. Поля, посвященном казанской теистической традиции в целом [23, с. 154–175]. В диссертационном исследовании В. Ю. Пинчука казанской школе метафизической психологии посвящен один из разделов [21, с. 137–147]. Обзорная статья Л. Ф. Шеховцовой и Ю. М. Зенько включает перечень религиозно-психологических диссертационных сочинений воспитанников Казанской духовной академии за 1899–1900 гг. [36].

Однако наиболее существенен для нашего исследования тот факт, что казанская традиция метафизической психологии формируется на уже подготовленной почве. Ей предшествует

целая эпоха становления религиозной метафизики, опиравшейся на стремление обосновать умозрительное представление об абсолюте, причём согласно восточной традиции христианской апологетики исключительно позитивным путём с привлечением логических методов.

На историческом поприще казанской метафизической традиции, полагавшей основания всякого знания в идее сверхсущего, архиепископу Никанору (в миру Александр Иванович Бровкович, 1826–1890), автору трёхтомного капитального труда «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» (1875, 1876, 1888), предшествуют И. А. Смирнов-Платонов (1816–1860), А. И. Лилов (1832–1870), П. Г. Рублевский (выпускник Киевской духовной академии 1857 г.). Таким образом, «наука о человеке» в казанской религиозно-философской традиции, связанная с именами уже упомянутых нами Снегирева и Несмелова, а также П. А. Милославского (1846–1884), И. С. Бердникова (1839–1915), А. Н. Потехина (выпускник Казанской духовной академии 1885 г.), берёт своё начало как продолжение «науки об абсолюте». Эти смысловые линии представляют единую концепцию духовного опыта, развитого в сторону относительной рациональности целой плеядой мыслителей-мистиков, предложивших для достижения внутренней гармонии между чувством и разумом эмпирически выверенные «научные» методы умозрения.

Данный феномен вовсе не случаен в истории отечественной православной философии, опиравшейся на теистические положения, поскольку тео-антропологический вектор, направленный

от абсолюта к человеку воспроизводит и метафизическая традиция Киевской духовной академии, известная в России как одна из старейших. Киевские православные авторы – архиепископ Иннокентий (Борисов) (1800–1855), О. М. Новицкий (1806–1884), С. С. Гогоцкий (1813–1889), П. И. Линицкий (1839–1906), – хотя и известны по большей части как энциклопедисты, разрабатывали преимущественно проблематику, связанную с личностной природой абсолюта. С историей киевской традиции метафизической психологии, формальное начало которой было положено в 1833 г. назначением особого наставника для преподавания психологии на кафедре философии, связаны имена архимандрита Феофана (в миру П. С. Авсенева, 1810–1852), Ф. С. Орнатского (1849–1919), И. П. Четверикова (1880–1969).

Выдающийся отечественный психолог В. С. Серебрянников (1862–1942), положивший начало теории и практики создания студенческих психологических сообществ в духовных академиях России, в Санкт-Петербургской духовной школе выступает как преемник логико-гносеологического направления, развивающегося не без влияния киевской теистической традиции, очевидно еще в студенческие годы усвоенной В. Н. Карповым (1798–1867). В свое время в северной столице вопросами раскрытия сущности и онтологического статуса сознания через феноменологию душевной жизни также занимались философы-теисты А. Е. Светилин (1841–1887), М. И. Каринский (1840–1917), Н. Г. Дебольский (1842–1918), Ф. Ф. Сидонский (1805–1873), А. П. Высокоостровский (1860–1912).

Дореволюционный период истории Московской духовной академии отмечен исследованиями Ф. А. Голубинского (1797–1854), В. Д. Кудрявцева-Платонова (1828–1891), А. И. Введенского (1861–1913), П. П. Соколова (1863–1923), посвященными по преимуществу психологической тематике.

Не претендуя на исчерпывающее представление о преемственности и специфике философско-богословской проблематики, нашедшей своё отражение в истории развития духовно-академических школ середины XIX – начала XX вв., мы постарались проследить наиболее общую тенденцию, представляющую важность для данного исследования. С нашей точки зрения, теистическое направление отечественной философии предстаёт как уникальное целостное явление, где вершиной философского знания, традиционно включающего разделы метафизики и логики, становится психология, опирающаяся на святоотеческую концепцию о природе человека.

**Антропологическая концепция
В. А. Снегирева как продолжение
святоотеческой традиции
личностного представления о
человеке**

По мнению историка отечественной традиции науки о душе М. О. Вержболовича, капитальный труд «Психология. Систематический курс чтений по психологии профессора Казанской духовной академии В. А. Снегирева» (1893) воплощает пример наиболее завершённой и исчерпывающей системы и опирается на святоотеческое учение о человеке как личностной

проекции абсолюта [6, с. 340, 374; 30, с. XVII–XVIII; 31, с. 480]. Вержболович полагает, что в вопросе о личности Снегирев придерживается срединного направления между метафизикой и феноменализмом [6, с. 359; 19, с. 118]. Существенную роль здесь играет психофизиология, поскольку цельная личность человека представлена единством души и тела [19, с. 119; 30, с. XI]. Вержболович касается рассмотрения идеи «я», согласно которой Снегирев трактует личность как «эмпирический феномен», т. е. в качестве «субъекта, производителя, среды и носителя всех проявлений и изменений душевной жизни» [6, с. 359; 19, с. 17, 118–119; 30, с. XIV–XV]. По Вержболовичу, признание субстанциональности и, следовательно, самостоятельности духовного начала, которое, будучи основой физических явлений, имеет для нашего сознания «принудительную силу», приводит к мысли о дуальности метафизических оснований бытия. Исследователь цитирует казанского автора: «Дух и материя – два отдельные, самостоятельные начала, оба несомненно существуют, хотя и не постижимы в своей сущности» [6, с. 344; 30, с. 47].

Вержболович останавливается на следующих узловых положениях концепции Снегирева, подтверждающих предположение о реальности, внутреннем единстве и, одновременно, неисчерпаемости личностного бытия. Исследователь прежде всего выделяет главное, указывая, что автор систематического курса чтений по психологии студентам Казанской духовой академии, рассматривая психические состояния как «живые явления в живом организме человеческой личности» и отрицая их «мнимое друг от

друга существование», ставит задачу «начертать цельный образ души человеческой как она дана во внутреннем опыте» [6, с. 340; 19, с. 115; 30, с. XIII; 31, с. 213–214, 306]. Сила, объединяющая на всех этапах жизненного процесса наличное содержание сознания, есть душа, «субстанция, особое существо, связанное с телом и от него отличное», которое Снегиревым рассматривается как «основа и последняя причина жизни личности» [6, с. 360; 30, с. 301, 312].

Чрезвычайно значима для психологии, опирающейся на субстанциональное представление о предмете своего исследования, правильная трактовка понятий физического, духовного и душевного. Вержболович акцентирует внимание на том, как в противоположность физическому Снегиревым раскрывается мир душевных явлений. Казанский профессор характеризует их как «сознательные и идеальные, сверхчувственные, субъективные и внутренние, неделимые и непространственные, одним словом духовные» [6, с. 344–345; 30, с. 54–56]. По этой причине, заключает Вержболович, психологии присущ собственный, отличный от наук о веществе метод, а именно самонаблюдение, или внутреннее наблюдение, которое дополняется «умозрением, проверенным опытом» [6, с. 344; 30, с. 18, 34]. Отсюда берёт начало приверженность Снегирева к субъективной психологии как наиболее полно разработанной отрасли науки о душе. Согласно наблюдениям Вержболовича, объём науки Снегирев ограничивает типическим и всеобщим, которые проявляются через индивидуальное [6, с. 345; 19, с. 114; 30, с. XIII].

Вместе с тем самосознание Снегирев трактует как «самооткрытие духа в его существе», который представляет «единую, неизменную и всегда себе равную субстанцию» [6, с. 359; 30, с. 301]. Вержболович разделяет ту позицию казанского философа, что независимо от содержания самосознания, меняющихся социальных условий и возрастов, общий план построения идеи «я» остается одним и тем же, все происходящие изменения «относятся к одному пункту как принадлежность одного начала – сознающего субъекта» [6, с. 359; 30, с. 291, 308]. Таким образом, в метафизике Снегирев является дуалистом, но главное содержание и интерес его труда заключаются именно в феноменологии, поскольку сама «субстанция души раскрывается из ее проявлений и законов» [6, с. 344; 30, с. XI].

Как оригинальную и последовательную Вержболович отмечает ту позицию, которая связана с представлением о непрерывности процесса сознания, совершающегося «во все течение жизни, следовательно, во сне, в самом глубоком обмороке и тому подобных состояниях», поскольку, по Снегиреву, перерыв сознания «равнялся бы прекращению жизни души» [6, с. 352; 30, с. 192]. Напомним здесь, что в своём последнем произведении («Сон и сновидения», 1875), касаясь метафизической теории духа, Снегирев мыслит его «только как чистую энергию, деятельность которой и жизнь есть сознание и только сознание» [30, с. XXIV; 31, с. 441–442; 32, с. 72–73]. Таким образом, развитие личного и бессмертного духа представляет собой непрерывный творческий процесс, в котором «все вновь творится», и виды творения

могут быть только сходными между собою, но никогда не тождественными [30, с. XXV]. Известно, что Снегирев перед своими оппонентами-«бессознательниками» последовательно отстаивал ту мысль, что чистая энергия не может подлежать временным или пространственным изменениям, следовательно, никакой бессознательной области в духе не существует. Сознание раскрывается как жизнь духа и его идей как форм деятельности [30, с. XXIV; 32, с. 66; 33, с. 335, 339–340, 350].

Развитие представления о непрерывности личного духовного начала мы находим в учении Снегирева о памяти. Вержболович подтверждает, что оно «отличается полнотою и обставлено убедительными доказательствами», хотя при этом вынужден отметить, что здесь несколько «извращается» общепринятый смысл понятий о памяти и забвении [6, с. 357–358; 19, с. 108]. По Снегиреву, память трактуется как «явление сохранения» и состоит из «забвения» двух родов – «временного и постоянного» [6, с. 357; 30, с. 249]. Исследователь специально указывает, что Снегирев, отождествляя как таковое забвение с памятью, точнее, рассматривая его как «особую форму памяти», дополнительно использует такие термины, как «исчезновение», «выпадение» [6, с. 358; 30, с. 262]. Таким образом, все доводы в пользу тождества памяти и забвения могут служить лишь доказательством мысли о невозможности абсолютного забвения. Действительно, если под памятью понимается процесс «сохранения» и «удержания» в душе всех её изменений и состояний, в соответствии с законом сохранения «силы», а в данном случае «психиче-

ской энергии», ни одно движение души, ни одно изменение сознания не может абсолютно исчезнуть [6, с. 356–357; 30, с. 240, 242]. С нашей точки зрения, данное предположение вполне согласуется с представлением о душе, скажем точнее, личности как о монаде.

Обращает внимание Вержболович и на оригинальный подход казанского мыслителя к решению вопроса о классификации душевных явлений, в основу которого положено представление о простоте души [6, с. 346; 19, с. 109]. По мнению Вержболовича, психологическая система «значительно выигрывает в глубине» и даёт простор для эмпирического исследования, будучи представлена через триады душевных состояний [6, с. 346; 30, с. 93]. Определяя ощущение как «простое, ничем не осложненное возбуждение души», Снегирев строго отделяет его от чувственного восприятия [6, с. 347; 30, с. 122]. В частности, казанским исследователем обстоятельно показано, «в чем выражается собственная воспринимающая деятельность духа и в каком отношении стоит она к деятельности его эмпирического коррелята» [19, с. 110; 30, с. XI]. С нашей точки зрения, в этой части Вержболович, вероятно, по методическим соображениям, в следующий раз опускает возможность связать систему Снегирева с монадологией Лейбница. Между тем, как комментирует Вержболович концепцию Снегирева, хотя под действием внешних и внутренних материальных сил в нервной ткани возникают массивы соответствующих движений, «последняя не в состоянии сознать себя и превратить их в ощущения», поэтому должен существовать ещё особый деятель – душа. Причём ощущение может

быть определено как восприятие душою движений внешнего мира и организма, видоизменённых в движениях нервной ткани, но только в той форме, которая соответствует её природе [6, с. 347–348; 30, с. 128].

Концепция Снегирева о душе как особого рода духовной реальности раскрывается и в разделе, посвящённом чувствам – явлениям преимущественно религиозно-нравственного порядка. Вообще чувство определяется Снегиревым как впечатление, которое производит на душу её собственные состояния и изменения, связанные с общим возбуждением нервной системы и имеющие результатом непосредственную оценку всего этого для блага индивидуума [6, с. 364; 30, с. 403]. Согласно мнению казанского профессора, чувство долга, нравственный закон, идеи добра и зла являются результатом взаимодействия двух факторов, а именно, «наблюдения значения действий для достижения счастья и благополучия» в сравнении их с «прирожденным духовной природе человека идеалом совершенства» [6, с. 368; 30, с. 585]. Таким же образом Снегирев рассматривает совесть, а именно как следствие оценки действий, а не причину или источник нравственного закона, как особого рода волнение, возникающее при оценке действий до и после их совершения. Касаясь сущности мотивов воли, Снегирев уточняет, что её роль состоит в усилении чувства долга и обязанности, «принуждающего» делать добро и не делать зла. Кроме того, необходимым условием нравственного мотива служит сознание человеком себя причиной и виновником своих действий, или чувство свободы [6, с. 373; 30, с. 673, 675].

Как указывает Вержболович, в отношении чувства свободы казанский философ придерживается срединной точки зрения, в соответствии с которой свобода, включаемая им в состав нравственного чувства, «не есть противоположность моральной необходимости», но ее вид «как факт сознательного следования сильнейшему мотиву». Этот «мотив» связан со всей совокупностью личностного жизненного опыта [6, с. 368; 30, с. 594].

Вержболович специально останавливается на решении Снегиревым вопроса о религиозном чувстве, которое трактуется как особого рода явление, независимое от чувственного опыта и укоренённое в специальной духовной деятельности [6, с. 368; 19, с. 111; 30, с. 595]. Предварительно исследователь замечает, что в объяснениях религиозного чувства автор «Психологии» держится того же «среднего между идеализмом и эмпиризмом направления» [6, с. 368–369]. Религиозное чувство рассмотрено Снегиревым как источник происхождения идеи «всемогущей Личности Божества». По убеждению казанского мыслителя, эта идея представляет субъективную основу религии и присуща человеку в силу природы его духа, связана с его самосознанием и идеей его собственной личности; причём в силу ограниченности человеческого существа подлежит развитию вместе с идеей собственной личности. Основной вывод казанского профессора: «идея Божества», являясь составной частью процесса самосознания, по противоположности есть отображение нашей собственной личности, включая ее высшие свойства [30, с. 601].

Таким образом, единство антропологических моделей казанского духовного-академического теизма и святоотеческой традиции связано с представлениями о дуальности личностного единства, согласно которым образ соединения души и тела непостижим по образу сущностного единства личностных ипостасей христианской Троицы или богочеловеческой природы евангельского Христа. Аксиоматические же основания заложены в положение о тварном происхождении человеческой души, которая имея сверхъестественный источник, ему по существу не тождественна. Будучи проекцией личного абсолюта, она духовна, проста, непрерывна в своём движении, творчески свободна, религиозно-нравственна [7, с. 302–312].

В психологии Снегирева мы не находим упоминания или определенно выраженного учения о монаде, тем не менее считаем возможным указать на очевидную близость позиций казанского теиста и предшественника немецкой классической философии, развивавшего идеи субстанциального плюрализма [32, с. 70–71]. Хотя в отношении к личностному субъекту внешние или внутренние (телесные) впечатления и служат основанием для всякого душевного проявления, по взгляду казанского мыслителя, качественная форма последнего зависит от самой природы души, ее способностей, действий и состояний. При этом существо души остается тождественным себе и неизменным в основаниях. Таким образом, душа раскрывает свои состояния исключительно из недр собственной природы, и, мы предполагаем, следовательно, отчасти родственна монаде Лейбница.

**Абсолютное начало как основной
вопрос философии и методы его
решения в теизме
(по П. И. Линицкому)**

В своей системной работе «О началах» (1885) профессор Киевской духовной академии П. И. Линицкий, развивая понятие об абсолютном как основной идее философии, одновременно обосновывает идею безусловного как центральный, основополагающий элемент самосознания, определяющий весь строй духовной и психической жизни. Исследователь придает идее безусловного ту же значимость организующего начала духовной жизни, что и самосознанию, консолидирующему личность [15, с. 113]. Понятие о безусловном начале в ряду философских понятий представлено Линицким как коренное (основное, самостоятельное), возвышенное, всеобъемлющее и синтетическое, сообщающее жизни человека определённый смысл и характер [15, с. 103–104].

Рассматривая абсолютное как самостоятельное, заключенное в себе духовное существо, Линицкий настаивает на возможности его постижения разумом в качестве всеобъемлющего начала по мере познания конечного бытия. Отсюда «безусловное есть, конечно, идея разума, но такая идея, с которой, для полноты ее значения, должна соединяться вера в бытие существа абсолютного – объекта этой идеи» [15, с. 106].

Преодолевая односторонность номинализма и реализма, а вместе с тем мистицизма и рационализма, Линицкий использует парадоксальный подход, характерный для христианской традиции Востока, православно исповедующей догмат Троицы. Интерпретируя понятие об абсолютном, киевский

мыслитель сочетает, как кажется, разноразличные акциденции бытия: «абсолютное должно мыслить как субстанцию или существо индивидуальное (личность) и вместе с тем универсальное (всеобъемлющее)» [15, с. 106].

По аналогии с решением вопроса о взаимном отношении духовных и телесных явлений Линицкий акцентирует внимание на трудностях, связанных с необходимостью обосновать безусловность абсолютного духа через его отношение к конечному и условному. С позиции самосознания само безусловное мыслится через акт «самоотвержения» как имеющее прежде всего отношение к себе [15, с. 110]. Внутренняя условность и относительность абсолютного преодолеваются Линицким через отождествление в абсолютном необходимых различий с единством его существа: «Высочайший разум и верховная воля нераздельны, составляют единую неделимую силу, нераздельное проявление единого существа» [15, с. 110–111]. «Взаимная условность» в силу закона причинности на самом деле, как полагает киевский метафизик, не должна иметь место, поскольку материя, предназначенная служить орудием для целей духа, не совечна творческой причине, от неё независимой. Тем более что творческая деятельность первой причины не необходима, а свободна: свобода столь же необходимое свойство духа, как и единство. Если проявлением свободы безусловного духа служит его творческая деятельность, для духов конечных проявлением свойственной им ограниченной свободы должно служить деятельное установление своих отношений к безусловному как причине конечной [15, с. 111–112]. Таким образом, идея без-

условного служит объединяющим началом по отношению ко всем видам человеческой деятельности.

Итак, согласно Линицкому, по синтетическому направлению мышления философия соприкасается с искусством, в контексте аналитической деятельности она существенно роднится с наукой. Так как цель аналитической деятельности мышления – синтез, а основное синтетическое начало есть идея абсолюта, составляющая необходимую и неотъемлемую принадлежность нашего сознания, следовательно, абсолютное – главный предмет философии [15, с. 112–113].

При этом следует отличать начала синтетические от действий, ими производимых. Поэтому синтетическое начало не то же, что целое, образуемое соединением частей; через аналитическое рассмотрение целого не может быть определено производящее его синтетическое начало. Синтетические начала (жизненная сила, целесообразность в природе, свобода воли, бессмертие души) не могут быть выведены аналитически, равно как и опровергнуты. Они должны выводиться и обосновываться синтетическим путём, т. е. совместными усилиями богословия и философии, как это полагал и казанский мыслитель [15, с. 113; 19, с. 135; 30, с. XVIII].

Рассматривая учение, развивавшееся в стенах духовных академий России XIX в., М. В. Шумейко отмечает тот факт, что его смысловым ядром стало универсальное представление об абсолютном как совершенной личности [37]. Проблема абсолюта определяла структуру и единство всего комплекса философского знания, находя свое разрешение в тесной связи с онтологическими,

гносеологическими, этическими и антропологическими идеями [12, с. 82; 20, с. 90–91; 22, с. 35]. Н. К. Еникеева находит продолжение патристической традиции в онтологии Линицкого в предикатах духа как основного начала: единстве, неизменяемости (тождестве сознания) и деятельности [10]. Отсюда, по Линицкому, материя не нуждается в отрицании, поскольку представляет орудие духовного творчества [11].

По примеру одного из авторов академического журнала обратимся к определению философии, предложенному В. Кузену: «Загадка вселенной должна иметь свое слово; именно это слово и ищет философия» (*Souvenirs d'Allemagne*, 1866, p. 72) [11, с. 72]. Об этом же говорит и «наука о человеке», просвещённая сверхъестественной истиной: «Человек живет среди загадок, прежде всего, он сам есть загадка для себя; загадочна его природа и загадочен их Виновник. И хотя философ должен сознавать себя смиренным перед этим непроходимым мраком, но в то же время он имеет право находить себя великим, пытаюсь постепенно рассеивать этот мрак» [11, с. 72].

С нашей точки зрения, исторически и концептуально теистическое направление отечественной философии предстает как уникальное целостное явление, где вершиной философского знания, традиционно включающего разделы метафизики и логики, становится психология, опирающаяся на святоотеческую концепцию о природе человека.

Философы-теисты рассматривают психологию как основу философии, поскольку рациональный метод исследования духа посредством самого духа является для них преимущественным.

В силу предметной и методологической специфики «науки о человеке» дух может быть и созерцаемым, и созерцающим, поэтому прежде применения духа к внешнему для отечественных исследователей нет ничего проще и естественнее, как применить его к самому же духу.

Духовно-академическая психология предстаёт как метафизика личности, т. е. уникального и таинственного в своих сущностных основаниях единства души и телесности. Образ духовно-телесного личностного тварного единства обосновывается отечественными мыслителями по подобию метафизического концепта о единстве нетварной природы и разделении в лицах абсолютного существа.

Метафизические предпосылки психологической системы, связанные с традицией теизма, задают необходимые границы мистического и рационального, положительного знания и веры в представлениях о способах существования и формах отношений между личными реальностями, наделёнными условным и безусловным бытием.

Духовность внутреннего мира человека как проекции абсолютного существа в контексте традиции духовно-академического теизма неразрывно сопряжена со свободой и религиозно-нравственными основаниями, которые могут быть истолкованы как необходимые условия или законы жизни личностного бытия. Согласно представлениям православных философов, идея абсолюта является центральной и развивается постепенно вместе с самосознанием, определяя весь строй жизни личности. Метафизика теизма опирается на представления о тварности и одновременно самостоятельности, т. е.

творческом характере и свободе человеческого духа.

Очевидно, психологическая наука в традиции духовно-академического теизма носит отнюдь не синкретический, но универсальный характер, поскольку преодолевает односторонность и догматизм, свойственные учениям Запада; таких, опираясь на богооткровенную истину, раскрывается в полноте метафизики и эмпирии; и оставаясь в границах научного метода, развивается отечественными мыслителями как синтетическое учение, свидетельствующее о жизни личностного духа.

Так, признавая главенство духовного начала, профессор Снегирев исходит из дуалистических оснований личностного бытия, в котором мистически соединяются душа и тело. Душа как особое существо, отличное от тела, проявляет свою жизнедеятельность, объединяя содержание личного самосознания на всех этапах человеческого существования. Самосознание трактуется казанским мыслителем как самооткрытие духа, поскольку включает явления сознательные и идеальные, сверхчувственные, субъективные и внутренние, неделимые и непространственные.

В психологии Снегирева мы не находим определенно выраженного учения о монаде, тем не менее считаем возможным указать на очевидную близость позиций казанского теиста и Лейбница как предшественника немецкой классической философии, развивавшего идеи субстанциального плюрализма.

Представления Снегирева и Личницкого о духе как чистой энергии, не зависящей от пространственно-временных отношений, предполагает непрерывность сознания. Данное по-

ложение усиливается общим для теистической традиции представлением о душе как простой сущности, следовательно, неуничтожимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азлецкий П. Современные теории инстинкта и научная оценка их с точки зрения православно-христианского учения о духовно-разумной природе человека. Казань, 1898. 110 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 234.
2. Архангельский Н. Опыт систематизации христианского нравственного учения по сочинениям Иннокентия архиеп. Херсонского. Казань, 1884. 808 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 580.
3. Беликов В. Учение о личности у Канта. Казань, 1905. 243 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 1459.
4. Булгаков С. Критический разбор основных положений эволюционной этики. Казань, 1901. 299 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 985.
5. Вержболович М. О. Обзор главнейших направлений русской психологии // Вера и разум. 1895. Т. II. Ч. I. С. 117–487.
6. Вержболович М. О. Обзор главнейших направлений русской психологии (окончание) // Вера и разум. 1895. Т. II. Ч. II. С. 135–374.
7. Давыденко В. Ф. Святоотеческое учение о единстве души при разнообразии ее способностей; душа и дух // Вера и разум. 1903. № 13. С. 300–314.
8. Дмитриевский Ф. Современное положение вопроса о субстанциональности души. Казань, 1866. 63 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 56.
9. Еникеева Н. К. Исторически сложившиеся особенности духовно-академической философии // Достижения вузовской науки. 2016. № 26. С. 101–104.
10. Еникеева Н. К. Онтология Петра Ивановича Линицкого // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 26–2. С. 38–42.
11. К. И. Об идее философии // Вера и разум. 1895. Т. II. Ч. II. С. 51–72.
12. Климова О. М. Критика философского эмпиризма в религиозной философии П. И. Линицкого // Религиоведение. 2011. № 2. С. 79–83.
13. Корниоский А. Материалы для решения вопроса о происхождении души. Казань, 1878. 132 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 523.
14. Ледомский А. Данные богословско-философской русской литературы по вопросу о способах постановки доказательства бытия души, как самостоятельного начала, отличного от материи; классификация этих способов и критическая оценка их. Казань, 1901. 70 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 219.
15. Линицкий П. И. Краткий очерк основных начал философии // Вера и разум. 1895. Т. II. Ч. II. С. 73–113.
16. Наука. Технологии. Человек: материалы «круглого стола» / В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, Н. С. Автономова, Д. И. Дубровский, А. В. Катунин, С. В. Пирожкова, Е. О. Труфанова, Е. Л. Черткова, А. Ф. Яковлева // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 5–49.
17. Неклепаев И. Разбор книги Уорда «Психические факторы цивилизации». Казань, 1900. 109 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 424.
18. Несмелов В. И. Наука о человеке. М.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. 438 с.
19. Несмелов В. И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97–154.

20. Петров А. В. Человек и Абсолют в русской религиозной философии: свобода становления // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 88–91.
21. Пинчук В. Ю. Метафизическая психология в русском духовно-академическом теизме XIX века: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 169 с.
22. Пишун С. В. Европейская религиозная метафизика и православный теизм XIX века: поиск моделей доказательства бытия Абсолюта // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (41). С. 35–42.
23. Поль В. А. Философский теизм в Казанской духовной академии (опыт системной реконструкции и интерпретации): дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 2007. 175 с.
24. Понкин И. В., Понкина А. А. К вопросу о содержании понятия «человек» с позиций медицинского права и биоэтики // Главврач. 2015. № 3. С. 16–23.
25. Пружинин Б. И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: Института Философии РАН, 2005. С. 109–120.
26. Репно П. Учение о спасении в языческой философии (сравнительно с учением христианского откровения). Казань, 1899. 124 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 562.
27. Рождение персонализма из духа Нового времени: сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России / ред.-сост. В. Н. Болдарева. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 392 с.
28. Рубинов Е. Учение Анри Бергсона о душе человека и его значение для религиозных идей о человеческом духе. Казань, 1916. 133 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 1436.
29. Скрынченко Д. Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению. Казань, 1901. 169 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 384.
30. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии // Научное наследие. электронная библиотека. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (дата обращения: 19.11.2018).
31. Снегирев В. А. Сон и сновидения // Православный собеседник. 1875. Т. I. С. 208–492.
32. Снегирев В. А. Сон и сновидения // Православный собеседник. 1876. Т. II. С. 51–78, 136–180.
33. Снегирев В. А. Сон и сновидения // Православный собеседник. 1876. Т. III. С. 321–350.
34. Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник статей / под ред. Р. В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. 452 с.
35. Шабалкина А. А. Влияние цифровой революции на изменение рынка труда и требования к человеческому капиталу // World science: problems and innovations. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 59–62.
36. Шеховцова Л. Ф., Зенько Ю. М. Психология в духовных школах России [Электронный ресурс] // Христианская психология. URL: <http://psyheo.by/psihologiya-v-duhovnyh-shkolah-rossii> (дата обращения: 03.12.2018).
37. Шумейко М. В. Понятие Абсолюта в русском духовно-академическом теизме XIX века (в контексте критики пантеистических тенденций в немецкой классической философии) // Религиоведение. 2006. № 4. С. 68–75.

REFERENCES

1. Azletsky P. [The Modern Theory of Instinct and Scientific Evaluation from the Point of View of Orthodox Christian Teaching on the Spiritual-Rational Nature of Man. Kazan, 1898. 110 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 234.
2. Arkhangelsky N. [The Experience of Systematization of Christian Moral Teaching on the Writings of Archbishop Innokenty. Kherson. Kazan, 1884. 808 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 580.
3. Belikov V. [The Doctrine of Personality in Kant. Kazan, 1905. 243 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 1459.
4. Bulgakov S. [Critical Analysis of the Main Provisions of Evolutionary Ethics. Kazan, 1901. 299 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 985.
5. Verzhbolovich M. O. [An Overview of the Main Areas of Russian Psychology]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1895, vol. II, p. I, pp. 185–208, 233–256, 257–290, 303–336, 374–398, 399–427, 455–487.,
6. Verzhbolovich M. [An Overview of the Main Areas of Russian Psychology (continued)] In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1895, vol. II, part II, pp. 135–158, 185–209, 339–374.
7. Davydenko V. F. [The Patristic Doctrine of the Unity of the Soul with the Diversity of Its Ability; Soul and Spirit]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1903, no. 13, pp. 300–314.
8. Dmitrovsky F. [The Current Situation of the Issue of Substantiality of Soul. Kazan, 1866. 63 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 56.
9. Yenikeeva N. K. [Historically Formed Peculiarities of Spiritual-Academic Philosophy]. In: *Dostizheniya vuzovskoi nauki* [The Achievements of University Science], 2016, no. 26, pp. 101–104.
10. Yenikeeva N. K. [The Ontology by Peter Ivanovich Linitzky]. In: *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Priority Scientific Directions: from Theory to Practice], 2015, no. 26-2, pp. 38–42.
11. K. I. [The Idea of Philosophy]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1895, vol. II, part II, pp. 51–72.
12. Klimova O. M. [Criticism of the Philosophical Empiricism of Religious Philosophy of P. I. Linitzky]. In: *Religiovedenie* [Religious Studies], 2011, no. 2, pp. 79–83.
13. Korniosky A. [The Materials for the Solution of the Problem of the Origin of Soul. Kazan, 1878. 132 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 523.
14. Ledomsky A. [Theological and Philosophical Russian Literature on the Problem of Methods Proving the Existence of Soul as an Entity Distinct from the Matter; The Classification of These Methods and Their Critical Evaluation. Kazan, 1901. 70 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 219.
15. Linitzky P. I. [A Brief Outline of Basic Principles of Philosophy]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1895, vol. II, part II, pp. 73–113.
16. Avtonomova N. S., Dubrovsky D. I., Katunin A. V. et al [Science. Technology. People: the Proceedings of the «Round Table»]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2015, vol. 20, no. 2, pp. 5–49.
17. Neklepavev I. [The Analysis of Ward's Book «Mental Factors of Civilization». Kazan, 1900. 109 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 424.

18. Nesmelov V. I. *Nauka o cheloveke* [The Science of Man]. Moscow, The Center of Studying, Protection and Restoration of the Heritage of Paul Florensky Publ., 2000. 438 p.
19. Nesmelov V. I. [To the Memory of Veniamin A. Snegirev]. In: *Pravoslavny sobesednik* [Orthodox Interlocutor], 1889, no. 5, pp. 97–154.
20. Petrov A. V. [Man and the Absolute in Russian Religious Philosophy: Freedom of Establishment]. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Academic Bulletin], 2011, no. 3 (98), pp. 88–91.
21. Pinchuk V. Y. *Metafizicheskaya psikhologiya v russkom dukhovno-akademicheskom teizme XIX veka* [Metaphysical Psychology in Russian Spiritual and Academic Theism of the 19th century]. Moscow, 2004. 169 p.
22. Pishun S. V. [European religious metaphysics and Orthodox theism of the nineteenth century: in search of the models proving the existence of the absolute]. In: *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [Social Sciences and Humanities in the Far East], 2014, no. 1 (41), pp. 35–42.
23. Pol V. A. *Filosofskii teizm v Kazanskoj dukhovnoi akademii (opyt sistemnoi rekonstruktsii i interpretatsii)* [Philosophical Theism in the Kazan Theological Academy (an Experience in Systemic Reconstruction and Interpretation)]. Ussuriysk, 2007, 175 p.
24. Ponkin I. V., Ponkina A. A. [The Issue of the meaning of the concept «human being» from the standpoint of medical law and bioethics]. In: *Glavvrach* [The Chief Physician], 2015, no. 3, pp. 16–23.
25. Pruzhinin B. I. [The applied and the fundamental in the ethos of modern science]. In: *Filosofiya nauki. Vypusk 11: Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of Science. Ethos of Science at the Turn of the Century]. Moscow, The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, issue 11, pp. 109–120.
26. Repno P. [The Doctrine of Salvation in Pagan Philosophy (in Contrast to the Christian Doctrine of Revelation). Kazan, 1899. 124 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], F. 10/2, no. 562.
27. Boldareva V. N. *Rozhdenie personalizma iz dukha Novogo vremeni: sbornik statei po genealogii bogoslovskogo personalizma v Rossii* [The Birth of Personalism from the New Time Spirit: A Collection of Papers on the Genealogy of Theological Personalism in Russia]. Moscow, Orthodox Saint Tikhon University for Humanities Publ., 2018. 392 p.
28. Rubinov E. [The Teachings of Henri Bergson on Human Soul and Their Significance for Religious Ideas on Human Spirit. Kazan, 1916. 133 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], F. 10/2, no. 1436.
29. Skrynchenko D. [The Value of Life in Contemporary Philosophical and Christian Teachings. Kazan, 1901. 169 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 384.
30. Snegirev V. A. [Psychology. A Systematic Course of Lectures on Psychology]. In: *Elektronnaya biblioteka «Nauchnoe nasledie»* [Electronic Library «Scientific Heritage»]. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (accessed: 19.11.2018).
31. Snegirev V. A. [Sleep and Dreams]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [The Orthodox Interlocutor], 1875, vol. I, pp. 208–226, 441–492.
32. Snegirev V. A. [Sleep and Dreams]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [The Orthodox Interlocutor], 1875, vol. II, pp. 51–78, 136–180.
33. Snegirev V. A. [Sleep and Dreams]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [The Orthodox Interlocutor], 1875, vol. III, pp. 321–350.
34. Yershova R. V. *Tsifrovoe obshchestvo kak kulturno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka* [Digital Society as a Cultural and Historical Context for Human Development]. Kolomna, State Social Humanities University Publ., 2018. 452 p.

35. Shabalkina A. A. [The impact of the digital revolution on changing labour market requirements and human capital]. In: *Sbornik statei XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «World sciene: problems and innovations»* [Collection of Papers of the 14th International Theoretical and Practical Conference «World Science: Problems And Innovations»]. Penza, *Nauka i Prosveshchenie* Publ., 2017, pp. 59–62.
36. Shekhovtsova L. F., Zenko Y. M. [Psychology in the Theological Schools in Russia]. In: *Khristianskaya psikhologiya* [Christian Psychology]. Available at: <http://psyheo.by/psikhologiya-v-duhovnyh-shkolah-rossii/> (accessed: 03.12.2018).
37. Shumeiko M. V. [The Concept of the Absolute in Russian Spiritual Academic Theism of the 19th Century (in the Context of the Criticism of Pantheistic Tendencies in German Classical Philosophy)]. In: *Religiovedenie* [Religious Studies], 2006, no. 4, pp. 68–75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондаренко Виктория Викторовна – кандидат медицинских наук, магистр философии, старший научный сотрудник, доцент кафедры теологии Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета;
e-mail: bondarenko.vv@dvfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoriya V. Bondarenko – PhD in Medicine, MPhil, senior researcher, associate professor of Theology at the Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University;
e-mail: bondarenko.vv@dvfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Бондаренко В. В. Личность человека как метафизическая проекция абсолюта в традиции духовно-академического теизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 76 – 92.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-76-92

FOR CITATION

Bondarenko V. V. Human Personality as a Metaphysical Projection of the Absolute in the Tradition of Spiritual Academic Theism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 76 – 92.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-76-92